

«РОССИЯ НЕ ВЫХОДИТ ИЗ РОЛИ ПОДСУДИМОЙ В ПЕРСИДСКОМ ВОПРОСЕ...»: БРИТАНСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

© 2020

Ларин А.Б.

Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования британского общественно-политического дискурса в отношении России и ее внешней политики накануне Первой мировой войны. На материалах, связанных с персидским вопросом и деятельностью Персидского комитета, показано, что для значительной части британского общественного мнения был характерен обвинительный уклон в отношении России, даже после подписания конвенции 1907 г. Инвективный подход оказывал прямое и косвенное влияние на политику министерства Э. Грея. Одновременно подобные британские дискурсивные практики были восприняты общественным мнением России в качестве некоторой константы во взаимных отношениях двух империй. Более того, в российской публицистике проявилась тенденция использовать британского обвиняющего и упрекающего «Другого» в качестве удобного инструмента утверждения собственных идей и позиций. Комментируя очередные обвинения и упреки России, исходящие со стороны Британии, публицисты апеллировали к собственному правительству, намекая, что последнее уделяет большее внимание британскому общественному мнению, нежели интересам России. Правительство в свою очередь использовало апелляцию к российскому общественному мнению в качестве аргумента в спорах с Лондоном. Можно говорить о том, что в рассматриваемый период в России научились использовать британский подход к ней как к удобному «Другому» в собственных интересах.

Ключевые слова: империя; общественное мнение; Британия; Иран; Россия; Персидский комитет; Эдвард Гранвилл Браун; Эдуард Грей; Уильям Морган Шустер.

«RUSSIA DOES NOT STEP OUT OF THE ROLE OF THE DEFENDANT IN THE PERSIAN QUESTION...»: BRITISH DISCURSIVE PRACTICES AND RUSSIAN PUBLIC OPINION ON THE EVE OF THE GREAT WAR

© 2020

Larin A.B.

Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Abstract. The paper is devoted to the peculiarities of the British socio-political discourse functioning in the relation towards Russia and its foreign policy on the eve of the First World War. Based on the materials related to the Persian question and the activities of the Persia Committee, it was shown that a significant part of the British public opinion was biased against Russia, even after the signing of the 1907 Convention. Such invective approach had a direct and indirect impact on the policy of Foreign Office. At the same time, these British discursive practices were accepted by Russian public opinion as a constant in the mutual relations of the two Empires. Moreover, there was a tendency in Russian press to use the British «Other» (accusing and rebuking) as a convenient tool for affirming their own ideas and positions. Commenting on various British accusations and reproaches, Russian publicists appealed to their own government, hinting that the latter pays more attention to the British public opinion than to the interests of Russia. The government, for its part, used the appeal to Russian public opinion as an argument in its disputes with London. Thus, during the period under review, in Russia it was learned how to use the British approach to it as to a convenient «Other» in its own interests.

Keywords: Empire; public opinion; Britain; Iran; Russia; Persia Committee; Edward Granville Browne; Edward Grey; William Morgan Shuster.

Заключение в 1907 г. российско-британского соглашения о разделе сфер влияния в Азии стало ключевым элементом оформления конфигурации союзов великих европейских держав перед Первой мировой войной. Хорошо известно, сколь сложным был путь к подписанию этого соглашения после столетия Большой Игры и сколь различные оценки давались ему как в России, так и в Британии [1–5]. Однако сама по себе договоренность между двумя империями, очевидно, не могла устранить всех существующих между ними проблем в отношениях, в том числе в регионах, затронутых конвенцией. Равно как не могла она и отменить столетний опыт недоверия и подозрительности, существовавших между державами.

Персидский вопрос (пользуясь терминологией эпохи) играл в этом смысле особую роль. Очевидно, что из тех стран, что были затронуты соглашением 1907 г. – Тибета, Афганистана и Ирана, – именно в связи с последним в российско-британских отношениях накануне войны возникали наиболее серьезные сложности и коллизии. Раздел Ирана на сферы влияния России и Британии с сохранением т.н. нейтральной зоны между ними не столько упростил ситуацию взаимодействия двух империй в этой стране, сколько, напротив, породил новые сложности и вопросы. Как показала жизнь, между сторонами отсутствовал консенсус в отношении того, каковы пределы их возможностей в соответствующих сферах влияния,

какие действия соответствуют заявленному в преамбуле конвенции 1907 г. принципу сохранения «независимости и территориальной целостности Персии», а какие нет и т.п. Все это порождало напряженность и новые тома дипломатической переписки между Санкт-Петербургом, Лондоном и Тегераном.

Особенную сложность приобрела ситуация в годы, непосредственно предшествовавшие Великой войне. В 1911 г. в Иране развернулся масштабный внутривосточный кризис, вызванный как внутренними, так и внешними факторами. Деятельность приглашенного тегеранскими властями американского финансового советника У. Моргана Шустера, уже вскоре после прибытия в страну вступившего в конфликт с российской миссией и консулами, попытка экс-шаха Мохаммада Али вернуть утраченный в ходе революции престол, стремление России и Британии на этом фоне, с одной стороны, укреплять собственное влияние, с другой – не разрушить окончательно столь хрупкий баланс в своих отношениях в Иране – все это далеко не исчерпывает бурных событий 1911 г. Дело кончилось вводом российских войск и предъявлением тегеранскому правительству ультиматумов, которые оно было вынуждено принять. Однако нельзя сказать, что кризис был преодолен. В той или иной степени его отголоски продолжались вплоть до начала войны, порой переходя в весьма серьезные эскалации [6; 7; 3, ch. IX; 8; 9; 10, ch. V].

Все эти события активно обсуждались в Британии и России, становились темами публикаций в прессе, выступлений в парламентах двух стран, вызывали те или иные реакции. Известно, что общественное мнение в Британии обладало существенными возможностями влиять на курс правительственной политики, однако важно отметить, что по мере развития модернизационных процессов в российском социуме общественное мнение здесь также развивалось и крепло и, особенно после либерализации прессы в результате событий 1905–1907 гг., становилось важным фактором российской внешней политики. В этом смысле предвоенные взаимодействия России и Британии нельзя исследовать без учета данного фактора.

Разумеется, когда мы ставим вопрос об общественном мнении двух стран в отношении друг друга, это с неизбежностью будет связано с проблематикой взаимных восприятий, представлений, устойчивых стереотипов и т.д. Причем на настоящий момент в России уже создан существенный задел в изучении этого вопроса применительно к России и Британии [11–18]. Выходят и работы, специально посвященные представлениям русских и британцев о политике друг друга в Иране, восприятию российско-британских отношений в регионе общественным мнением обеих стран, отражению этих представлений в публицистике [19–24].

Формат настоящей статьи не позволит, разумеется, рассмотреть все возможные нюансы и аспекты функционирования общественного мнения России и Британии, особенностей взаимного восприятия двумя нациями друг друга как факторов внешней политики и двусторонних отношений империй в связи с персидским вопросом. Здесь хотелось бы обрисовать именно общие контуры дискурсивного поля, в рамках которого происходило обсуждение иранской политики двух стран и его влияние на текущую политику.

Методологически перспективным для анализа данного вопроса выглядит подход Ивэра Ноймана, изложенный в его известной работе «Использование "Другого"»; в частности, нас особенно будет интересовать третья глава его книги: «Создание Европы: русский "Другой"» [25]. В заключении к главе Нойман отмечает, что «начиная с эпохи Просвещения она (Россия – А.Л.) воспринималась как ученик – то хороший (доминирующая версия Просвещения), то наученный дурному (альтернативная версия Просвещения), то двоечник, который должен учиться, но не хочет (доминирующая версия XIX века), то лентяй (версия XX века) или способный, но упрямый ученик (современная версия)» [25, с. 154]. Так или иначе, исследователь показывает, как Европа (а точнее – создатели европейского дискурса) явочным порядком присвоила себе право оценивать Россию, степень ее цивилизованности, успехи на пути приобщения к европейской культуре. «Присваивая себе полномочия учителя, имеющего право наказывать ученика за плохо усвоенный урок, Европа ставит серьезную проблему перед своей политикой по отношению к России» [25, с. 152]. Эти слова, справедливые для начала XXI в., вполне применимы, как мы сможем убедиться, и при оценке ситуации начала XX века.

Показательной в этом отношении является деятельность т.н. Персидского комитета, британского парламентского органа, заявлявшего в качестве цели своей деятельности защиту независимости и неприкосновенности Ирана посредством влияния на общественное мнение и, тем самым, на политику главы Форин Офис сэра Э. Грея. Комитет стремился привлечь к Персии общественное внимание, показать ее значимость для безопасности Британской империи. В качестве главной угрозы независимости Ирана выступала, с точки зрения комитета, Российская империя. В его состав входили представители радикального крыла Либеральной партии, ученые, публицисты, дельцы. Ключевыми фигурами комитета, его идейными вдохновителями были известный иранист профессор Э.Г. Браун [26] и депутат палаты общин Х.Ф.Б. Линч. Комитет подвергал резкой критике политику Э. Грея (в первую очередь – в персидском вопросе), направленную на сохранение соглашения с Россией, выступал за прекращение сотрудничества с последней в персидских делах [24; 27].

Комитет возник еще в 1908 г., однако наиболее бурной его активность была в 1911–1912 гг., в период развернувшегося в Иране кризиса. Представители комитета, в первую очередь – профессор Браун, использовали самые разнообразные средства, чтобы привлечь внимание общественного мнения к Персии и вынудить Э. Грея отказаться от политики солидарности с Россией. К числу использовавшихся приемов можно отнести публикации по вопросу, в том числе – книг, памфлетов, газетных и журнальных статей, письма в известные издания, организацию митингов, выступления в Парламенте и проч. Нет большого смысла перечислять все многочисленные появившиеся публикации, неоднократно переиздававшиеся, однако для иллюстрации общего тона этих текстов стоит сослаться на пару из них, за авторством самого Э.Г. Брауна.

В своих памфлетах, посвященных кризису 1911–1912 гг. [28; 29; 30], Браун выстраивает вполне одно-

значную картину событий. С его точки зрения, после конституционной революции Иран двигался по пути национального возрождения и преуспел бы в этом, если бы не ряд жестоких интервенций со стороны России, поддержанных, «к нашему (*британскому* – А.Л.) вечному стыду», Великобританией [29, р. 631]. В его описаниях российско-иранских взаимодействий этого времени хорошо прослеживаются яркие оппозиции.

Так, вышеупомянутый Морган Шустер характеризуется как «честный и эффективный» [29, р. 641], «способный» [28, р. 11], «порядочный» [28, р. 17], «энергично продвигавший обнадеживающие реформы» [28, р. 14]. Капитан Стокс, чье назначение, как будет отмечено ниже, подлило масла в огонь кризиса, обозначен как «наиболее компетентный и энергичный офицер» [30, р. 5], обладающий «исключительной квалификацией» [28, р. 10]. Американского финансиста в его преобразовательных устремлениях поддерживали «лучшие и наиболее патриотичные элементы [иранской] нации» [29, р. 632]. С другой стороны, этим замечательным во всех отношениях и преисполненным разнообразных достоинств личностям противостоят, к примеру, такие люди, как российский консул Похитонов, «чье жестокое и своеправное (*high-handed*) поведение в качестве генерального консула в Табризе было печально известно (*was notorious*)» [28, р. 7]. Именно на нем, а также на его коллеге Петрове, по мнению Брауна, лежит ответственность за ноябрьские ультиматумы России, «жесткие и возмутительные» [29, р. 632], последний из которых и спровоцировал текущий кризис [28, р. 7]. Всю ответственность за развернувшуюся в Иране в 1911–1912 гг. конфликтную и сложную ситуацию Браун целиком и полностью возлагает на Россию: кризис был «непосредственно связан с серией агрессивных и провокационных действий со стороны российского правительства, либо, во всяком случае, его агентов в Персии» [28, р. 1].

Апофеозом в памфлетах Брауна служат рассказы о зверствах российских военных в Табризе и иных городах северного Ирана в самом конце 1911 – начале 1912 гг. Здесь он также прибегает к своему излюбленному приему – противопоставлению. Так, описывая более ранние события 1909 г., он отмечает, что победившие Мохаммада Али националисты отличались умеренностью, восхитившей даже корреспондентов «Таймс». Их поведение было безукоризненно, они поддерживали порядок в занятых частях города, они проявили милосердие к пленным, все хвалили их за мудрость в предотвращении осложнений, общие потери с обеих сторон составили около 500 человек (один европеец был ранен шальной пулей), и в целом националисты проявили «похвальное стремление осуществить свои планы цивилизованным путем» [28, р. 3].

Не то – русские. Как пишет Браун, все многочисленные усилия, предпринятые иранцами, все пережитое ими оказалось напрасным и безрезультатным и не помогло спасти четыре главных города северной Персии «от ужасов российского вторжения и военного положения». Здесь опять на первый план выходит риторика. Говоря о Табризе, он упоминает, что в то время, как русские занимались захватами общественных зданий, грабежами и убийствами мирных

иранцев, собственно иранцы охраняли европейские банки и торговые офисы, чтобы защитить их [29, р. 634]. Ссылаясь на Шустера, Браун замечает, что «ужасы Табриза никогда не станут известны в полной мере» [29, р. 634]. Более того, фактическое число жертв, даже будь оно точно известно, погибших на российских виселицах или убитых еще более ужасающими способами Шоджа од-Доуле – русским протеже, не отразило бы в полной мере масштаб потерь иранской нации. Браун делает акцент на том, что большая часть этих несчастных были солью реформаторского движения, истинными патриотами, верными до самой смерти. Среди них – наиболее образованные и либерально настроенные священнослужители, талантливые и многообещающие молодые люди, основатели школ и филантропы, книжники, национальные добровольцы (*фидаи*) или их родственники, известные ораторы [29, р. 635]. Не жалея красок для описания ужасов военного положения в Табризе, Браун подробно и в деталях описывает производимые российскими военными властями повешения, отмечая, что они совершались «самым варварским образом» [29, р. 636 sq.]. Еще большее возмущение вызывает у него деятельность *de facto* правителя города – Шоджа од-Доуле, пользовавшегося российским покровительством и после захвата власти устроившего «полный карнавал вымогательства и жестокости» [29, р. 637]. Воздерживаясь пересказывать ужасающие картины, обрисованные Брауном в его памфлетах, отошлем читателя к уже упомянутому изданию, содержащему, среди прочего, фотографии с места событий [30]. Для нас в данном случае важна не фактическая сторона дела, реалии, имевшие место в Табризе и в других городах, а общая тональность текстов Брауна, их полемическая однозначность, его манихейское восприятие действительности и подача этого представления публике, неготовность предоставить слово иной стороне и, собственно, увидеть эту другую сторону за нарисованной им простой схемой.

Характерно, что в полемическом запале Браун легко выходит за пределы тех привычных ориенталистских стереотипов восприятия, как, например, оппозиции Запад/Восток, европейцы/азиаты и т.д. Восприятие России как европейской державы, проводящей, наряду с Британией, некоторую политику на Среднем Востоке, сменяется у него иной картиной. Теперь уже политика Эдуарда Грея привела к уничтожению «древнего и талантливого народа, который в самый час пробуждения мы (*британцы* – А.Л.) оставили на милость самой безжалостно *ретроградной державы в мире*» [28, р. 15]. В другом месте, взывая к соотечественникам, он замечает, что предыдущее (и более благородное) поколение англичан, воспринимавшее раздел Польши как преступление первого разряда, отказалось бы верить в то, что их собственная страна, под руководством правительства, именующего себя либеральным, на самом деле помогает и подстрекает «заклятого врага Свободы (*arch-enemy of Freedom*)» в таком жестоком деле, как уничтожение древней нации, которая, претерпев столетия угнетения, казалось, после шести лет отчаянной борьбы, наконец была на пути к возрождению [28, р. 17]. Очевидно, что все симпатии Брауна на стороне иранцев, этот и другие пассажи такого рода

смещают привычную расстановку стран и народов в системе ориенталистских координат. Россия и ее реальные и мнимые грехи противопоставляются у него древней культурной нации, на свободу которой та покушается. В этом случае ориенталистский дискурс был вытеснен старым британским антироссийским дискурсом, доминировавшим в XIX столетии.

Можно было бы сказать, что подобная позиция была маргинальной или, во всяком случае, не разделялась всем политическим истеблишментом Великобритании, в частности – министерством Грея. Однако нельзя недооценивать то влияние, которым обладали вдохновители Персидского комитета. Так, сам профессор Браун, выдающийся специалист по Ирану, знаток его истории и культуры, автор крупных научных работ по предмету, преподавал в Кембридже, в частности – готовил будущих сотрудников Форин Офис для службы на Ближнем и Среднем Востоке. Его студенты занимали посты на консульской, дипломатической службе в Иране, снабжали профессора информацией о происходивших в стране событиях [27, с. 46]. Среди них можно назвать таких персонажей, как К.Б. Стокс, У.А. Смит. Первый из них, британский военный атташе при миссии в Тегеране, известен тем, что сыграл немаловажную роль в событиях 1911 г., связанных с деятельностью Шустера. Последний предложил майору Стоксу стать главой организуемой казначеем финансовой жандармерии, что привело к конфликту с российской миссией и внесло свою лепту в развитие кризиса 1911 г. Противодействие Петербурга данному назначению было связано как с тем, что Стокс был британским военным служащим и его назначение на важный пост в российской сфере рассматривалось как нарушение идей конвенции 1907 г., так и с взглядами офицера. Вот как охарактеризовал их временно управляющий МИД А.А. Нератов при обсуждении вопроса о назначении Стокса: «Не можем питать доверия к заверениям Шустера, что назначение Стокса не будет иметь политического значения, так как предшествующая деятельность Стокса стяжала ему вполне определенную известность, как интригана, политика и притом ярого русофоба» [31, д. 3856, л. 49]. Эта деятельность описана в другом документе, секретной справке МИД по его делу: «Стокс состоит в означенной должности уже давно и принимал довольно видное косвенное участие в персидской революции с самого ее начала, способствуя, вместе с известным драгоманом Черчиллем и туземными письмоводителями английской миссии, устройству массовых «бестов» революционеров в последней. Его ярые русофобские тенденции тайны ни для кого не составляют» [31, д. 2986, л. 79 об.]. Как видим, лица, связанные с Брауном, играли важную роль в реальной политике в Иране, непосредственно влияя на политику России и Британии в стране, как и на взаимодействие двух стран по персидскому вопросу. И позиция этих людей в отношении России и ее политики на Среднем Востоке была вполне однозначной.

Так, летом 1911 г. российский посланник в Тегеране С.А. Поклевский-Козелл сообщал в Петербург, что связанные с Брауном корреспонденты крупных изданий и информационных агентств (в том числе «Таймс» и «Рейтерс») группировались вокруг Шустера и, «будучи сами крайними националистами,

дают ему неверное освещение здешнего положения и толкают его на путь, следование по коему должно неминуемо привести его к кризису». Получив от профессора Брауна информацию о том, что «Таймс» и «Рейтерс» отказываются публиковать присылаемые из Ирана неблагоприятные для России известия, «эти лица послали анонимно Брауну длинные телеграммы с просьбою поместить в других газетах весь неиспользованный "Таймсом" и Рейтером неблагоприятный для нас материал и с поручением немедленно начать энергичную кампанию в английской прессе в пользу Шустера, чтобы противодействовать впечатлению, произведенному на английское правительство и общественное мнение статьями "Нового Времени"» [31, д. 3856, л. 39]. Как докладывал Поклевский-Козелл, Шустер был непосредственно связан с этой кампанией, поскольку он гарантировал перед Индо-Европейским телеграфом исправную оплату одним из корреспондентов – Эрбертом – телеграмм, большая часть которых предназначалась Брауну.

Деятельность Персидского комитета имела существенный резонанс в Британии. Критика политики правительства в персидском вопросе в рамках парламентских дебатов в конце 1911 – начале 1912 г. превратилась в настоящую кампанию, направленную против Эдуарда Грея и Форин Офис, продолжавшуюся несколько месяцев [27, с. 47]. Грей был вынужден объясняться в Парламенте, защищая англо-русское соглашение 1907 г. и, так или иначе, действия России в Иране. С другой стороны, апелляция к общественному мнению Британии, его недовольству политикой России служила для него в качестве дополнительного аргумента в переговорах с Санкт-Петербургом по различным вопросам, что хорошо видно из донесений русского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа. И этот обвинительный уклон в отношении России и ее политики в Иране, что был характерен не только для Персидского комитета как такового, но в принципе для значительной части британского общественного мнения, парламентариев, прессы, вынуждал уже Петербург в той или иной степени с ним считаться при проведении персидской политики, выборе тех или иных вариантов действий [32].

Любопытно, однако, какое преломление этот обвинительный тон значительной части британской прессы, общественных и политических деятелей, испытывал уже в России. Разумеется, к разного рода инвективам со стороны Альбиона отечественная публика была привычна уже давно, однако и в самой России в период 1907–1914 гг. произошли существенные изменения. Либерализация прессы, вкупе с общим ростом активности русского гражданского общества, приводили к тому, что общественность со своей стороны принимала подачу, идущую из Британии, и предлагала собственные ответы на инвективы в адрес России.

Российское общество живо интересовалось и международными делами в целом, и персидским вопросом в частности. Особое отношение в этом смысле было, разумеется, к Британии, воспринимавшейся амбивалентно. Значительная часть прессы (в особенности – правоконсервативной) склонна была трактовать политику России в Иране (и это было зеркальным отражением ситуации в Соединенном Королевстве) как серию уступок Англии в ущерб национальным интересам России. И в этом контексте исходя-

щие из Британии инвективы, будь то публикации в прессе, выступления парламентариев, официальные заявления, становились объектом иронических, если не саркастических, ехидных комментариев, долженствовавших показать утомленность русского общества от подобных нападков, с одной стороны, и их абсолютную рутинность – с другой.

Показательны в этом отношении публикации «Нового времени». Так, в вышедшей осенью 1912 г. в связи со встречей С.Д. Сазонова и Э. Грея в Бальморале пространной статье, посвященной анализу конвенции 1907 г., автор во вводной части, комментируя очередные требования к России и критику в отношении ее политики в Иране, озвученные в британской печати, замечает: «Россия не выходит из роли подсудимой в персидском вопросе со времени заключения англо-русского соглашения перед лицом английского общественного мнения и части правящих кругов страны» [33]. В этой связи он ставит своей задачей дать анализ содержания конвенции 1907 г.

В другой статье, также написанной по следам Бальморала, сквозящая ирония еще заметнее. Со ссылкой на «авторитетные персидские источники» автор сообщает, что в Бальморале Сазонов поднял вопрос о возвращении на иранский престол экс-шаха Мохаммада Али, на что Грей категорически возразил, сославшись на то, что этого не допустит британское общественное мнение. Автор статьи прокомментировал это следующим образом: «Конечно, русские кровные политические и экономические интересы в Персии должны были быть принесены беспрекословно в жертву "английскому общественному мнению", и более об этом вопроса не возбуждалось; так повелось уже издавна, и наш министр иностранных дел был лишь *"dans la tradition"* (*"в традиции"* – А.Л.)» [34, с. 6]. Подобных примеров можно привести множество.

Примечательно в этом отношении то, что в этот период, в сложившихся новых общественных условиях, обусловленных более широким вовлечением российского социума в общественно-политическую жизнь страны, уже российское правительство, российские власти использовали апелляцию к общественному мнению в качестве аргумента в дискуссиях с британскими контрагентами. К примеру, когда в 1911 г., во время попытки реставрации Мохаммада Али в Иране, между Петербургом и Лондоном шли переговоры по вопросу о том, какую позицию следует занять двум правительствам по отношению к его движению, временно управляющий МИД России А.А. Нератов, в ответ на настояния Э. Грея о необходимости поддерживать тегеранский Кабинет в пику экс-шаху, ссылался на русское общественное мнение, определенно высказывавшееся за соблюдение «полного нейтралитета в борьбе Мохаммед-Али Шаха с правительством. Отступление... от принципа невмешательства во внутренние дела Персии было бы неизбежно приписано давлению Англии, против которой не замедлило бы возникнуть сильное неудовольствие» [35, с. 26]. Представляется, что подобные апелляции, зеркально воспроизводившие излюбленный британский аргумент, были риторически выиграны в переговорах с Лондоном.

Резюмируя, можно отметить следующее. Как хорошо известно, для британского общественно-политического дискурса XIX – начала XX веков был ха-

рактерен обвинительный уклон в отношении России, ее политики и ее планов. Инвективный подход сохранил свою актуальность для значительной части британского общественного мнения и публицистики и после подписания конвенции 1907 г., вплоть до Первой мировой войны. Обвинения в адрес России весьма ярко проявились в отношении ее иранской политики, чему немало поспособствовала деятельность Э.Г. Брауна и Персидского комитета, критиковавших политику министерства Грея. Однако означенный способ обсуждения/осуждения России и ее политики в рассматриваемый период дал любопытное преломление на русской почве. Общественное мнение страны, уже вполне оформившееся и в известной степени зрелое, в значительной своей части было склонно воспринимать исходящие со стороны британской публицистики и политических деятелей обвинения и упреки как надоедливую, рутинную и неизбежную обыденность, некую константу во взаимных отношениях, от которой невозможно (а значит – и не нужно) избавиться целиком и полностью. Более того, в российской публицистике проявилась тенденция использовать британского обвиняющего и упрекающего «Другого» в качестве удобного инструмента утверждения собственных идей и позиций. Саркастически комментируя очередные обвинения и упреки России, исходящие со стороны Британии, публицисты апеллировали к собственному правительству, намекая, что благорасположение британского общественного мнения имеет для того большее значение, чем интересы России и русского общества. А последнее, в свою очередь, становилось для российских властей удобным аргументом в спорах с их британскими *vis-à-vis*. Таким образом, можно говорить о том, что в рассматриваемый период в России научились использовать британский подход к ней как к удобному «Другому» в собственных интересах.

Список литературы:

1. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
2. Churchill R.P. The Anglo-Russian convention of 1907. Cedar Rapids, Iowa: Torch Press, 1939. 365 p.
3. Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A study in imperialism. New Haven and London: Yale University Press, 1968. 711 p.
4. Nazem H. Russia and Great Britain in Iran (1900–1914). Based on British, French, German, Iranian, Russian and the United States diplomatic documents. Teheran: Sherkat Iran Chap (Rouznameh Ettela'at), 1975. 201 p.
5. Siegel J. Endgame: Britain, Russia and the final struggle for Central Asia. London, New York: Tauris, 2002. 273 p.
6. Ларин А.Б. «В самом же городе Мешехе господствует ныне полное спокойствие»: Россия и мешехдский инцидент 1912 г. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 3 (89). – <https://history.jes.su/s207987840009204-3-1>.
7. Ларин А.Б. «При громе орудий и радостных криках толпы шах въехал в Астрабад»: Россия, Британия и попытка реставрации Мохаммад Али-шаха [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9, вып. 8 (72). – <https://history.jes.su/s207987840002504-3-1>.

8. McDaniel R.A. The Shuster Mission and the Persian Constitutional Revolution. Minneapolis: Bibliotheca Islamica, 1974. 259 p.
9. Shuster W.M. The strangling of Persia. New York: The Century Co, 1912. 423 p.
10. Yeselson A. United States – Persian Diplomatic Relations, 1883–1921. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1956. 252 p.
11. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
12. Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / пер. с англ. СПб.: Академический проект, 1996. 384 с.
13. Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб.: Алетейя, 2011. 272 с.
14. Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. 352 с.
15. Лабутина Т.Л. Представления британцев о русском народе // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 13–25.
16. Мейендорф А. Англичане XVII и XVIII столетий о русских и о России // Сборник статей, посв. П.Б. Струве. Прага: Legiografie, 1925. С. 299–312.
17. Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX вв. М.: Наука, 2006. 353 с.
18. Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1992. 303 с.
19. Ларин А.Б. «Я никогда не был англофобом...»: политика Британии в Иране в оценках русских дипломатов, военных, государственных деятелей (конец XIX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 12 (86). – <https://history.jes.su/s207987840008246-9-1>.
20. Ларионова А.Ю. Англо-русское соперничество в Персии в отечественной публицистике 1900–1940-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 2. С. 60–67.
21. Медведик И.С. Англо-русский конфликт в Персии в начале XX века и образ соперника (взгляд британского дипломата С. Спринг-Райса) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 2. С. 78–83.
22. Медведик И.С. Англо-русский конфликт в Персии и образ соперника глазами британского посла в России Ч. Гардинга (начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4). С. 116–120.
23. Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-русский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 115–122.
24. Медведик И.С. Деятельность британского Персидского комитета в зеркале российской прессы (конец 1911 – начало 1912 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (84), ч. 2. С. 102–104.
25. Нойман И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
26. Javadi H. Foreword // Letters from Tabriz: the Russian suppression of the Iranian constitutional movement. Translated from the Persian with introductory & explanatory matter by E.G. Browne / Edited from Browne's manuscript by Hasan Javadi. Washington, DC: Mage Publishers, 2008. P. IX–XXXI.
27. Медведик И.С. Деятельность британского Персидского комитета в связи с англо-русским соперничеством в Персии (1908–1913 гг.) // Манускрипт. 2018. № 12 (98), ч. 1. С. 45–48.
28. Browne E.G. The Persian crisis of December, 1911; how it arose and whither it may lead us; compiled for the use of the Persia Committee. Cambridge: Privately Printed at the University Press, 1912. 18 p.
29. Browne E.G. The Present Situation in Persia // The Contemporary Review. Vol. CII. July – December, 1912. P. 631–642.
30. Browne E.G. The Reign of Terror at Tabriz. England's Responsibility. Compiled for the use of the Persia Committee. Manchester: Taylor, Garnett, Evans & Co. Ltd., 1912. 38 p.
31. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144 «Персидский стол». Оп. 489.
32. Бенкендорф – Сазонову, 15 (28) января 1912 г. Письмо // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 2. 1900–1913. Т. 19 (ч. 2). № 397. М.-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1939. 551 с.
33. Письма из Тегерана. Конвенция 18 августа 1907 г. Ее основные принципы и цели, буква и дух // Новое время. 21 октября (3 ноября) 1912 г. № 13151. С. 5.
34. Письма из Тегерана. История одной неудавшейся кандидатуры // Новое время. 16 (29) декабря 1912 г. № 13207. С. 6–7.
35. Нератов – Бенкендорфу, Санкт-Петербург, 12 (25) июля 1911 г. // Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Т. 7. СПб.: Государственная Типография, 1913. С. 26–27.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Ларин Андрей Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Новой и Новейшей истории; Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: ab-larin@mail.ru.	Larin Andrey Borisovich, candidate of historical sciences, researcher of Modern and Contemporary History Department; Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ab-larin@mail.ru.

Для цитирования:

Ларин А.Б. «Россия не выходит из роли подсудимой в персидском вопросе...»: британские дискурсивные практики и русское общественное мнение накануне Великой войны // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 3. С. 213–218. DOI: 10.17816/snv202093206.